

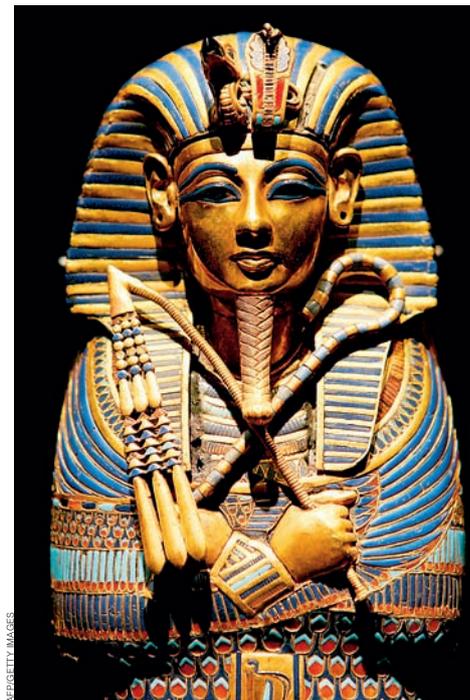
—Магазин Chanel в Париже, 1929

—Адольф Гитлер и Иосиф Сталин скоро задумаются о разделе Европы

—Жозефина Бейкер на афише «Негритянского ревью», Париж, 1928

—Тутанхамон — открытие гробницы Говардом Картером, 1922

—«Носферату. Симфония ужаса» Фридриха Вильгельма Мурнау, 1922

потеряв друзей, молодость, иллюзии, сантименты. Индивидуалисты, циники, апатриды. Их манифесты — «Прощай, оружие» (1929) Хемингуэя, «На Западном фронте без перемен» (1929) Эриха Марии Ремарка, окопный натурализм картин Отто Дикса. Встретив (1916) в военном госпитале Жака Ваше, одного из тех, кто не дожил до 1920-х, Андре Бретон придумывает «автоматическое письмо». Делает его символом веры нового движения — сюрреализма (1924) — и ставит на службу «мировой революции». Звездный час сюрреализма: бритва рассекает женский глаз в «Андалузском псе» (1928) Луиса Бунюэля и Сальвадора Дали. С «самым жестоким кадром в мире» соперничает лишь расстрел из «Потемкина» (1925) Сергея Эйзенштейна. «Потерянные» — пессимисты в книгах, но от жизни берут все. 1920-е — самые танцующие годы самых «неприличных», «дикарских» танцев. Скотт Фицджеральд, автор «Великого Гэтсби» (1925), памятника горящему гедонизму, называет их «эпохой джаза» (1922), хотя Кинг Оливер и Creole Jazz Band запишут в Чикаго первую пластинку черного джаза лишь через год. Во всех 100 тысячах speakeasies Нью-Йорка — заведениях, где подают контрабандное спиртное, — звучит джаз. Его храм и притон — гарлемский Cotton Club, где впервые дает концерт Дюк Эллингтон (1927). Карлос Гардель печалится о временах, когда мир не знал бриллиантина, кокаина и морфия: радио разносит по миру эпидемию моды на танго (1924).

—Cartier Tank, 1921

—Cartier Trinity, 1925

Но ассоциируются 1920-е все-таки не с ним. Из гетто на Бродвей вырывается чарльстон (1923). 19-летняя красавица Жозефина Бейкер, чей сценический костюм исчерпывается банановыми листьями, исполняет чарльстон (1925) в «Негритянском ревью» в Театре Елисейских Полей: наутро пляшет весь Париж. Ее секретарь и любовник — юный Жорж Сименон, придумывающий своего комиссара Мегрэ. Другой модный танец, шимми, несравненно отплясывает голливудская секс-бомба Мэй Уэст: широкая рубашка с огромным декольте открывает ничем не стесненную грудь. Уэст судят за непристойное поведение, но публика ломится на ее пьесу «The Drag» об однополую любви. Сексуальную ориентацию не скрывают, она не мешает звездной карьере ни Рамона Наварро, ни Аллы Назимовой. Бисексуальная аура окружает Марлен Дитрих и Грету Гарбо. Гей-столица мира — Берлин: гремит дело вампира Хаармана, убийцы 50 юношей-проституток. В США расцветают мужские ransy clubs, в Париже — лесбийские «храмы дружбы» Рене Вивьен. Любовь «амазонок» — феминизм 1920-х, их иконы — романистка Вирджиния Вульф и живописец Тамара фон Лемпицки. Коко Шанель гордится, что «вернула женщинам их тела». Первые духи-унисекс, Le Sien Жана Пату (1929), венчают триумф андрогинности. Корсеты забыты как страшный сон. В женский гардероб входят свитера, брюки, галстуки, а то и монокли. В их распоряжении — крем для загара (1922), патроны губной помады (1927) и карманные пудреницы. Виктор Маргеритт в романе «La